Лев Кузьмин

БЕГЛЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА • 1982

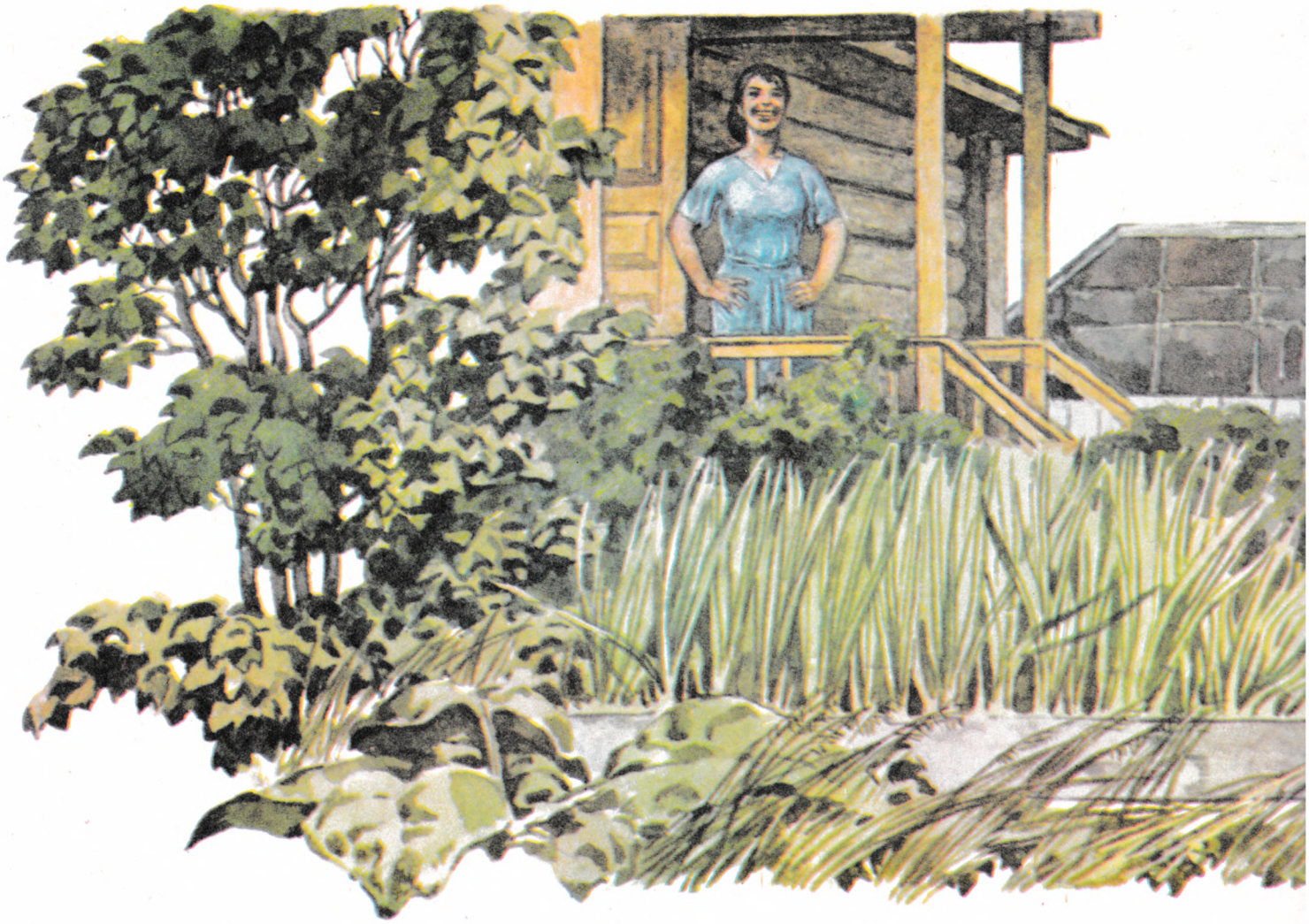
Сплошь увешанная чёрно-глянцевыми кистями ягод эта черёмуха стояла возле нашего дома, и кто бы тут ни проходил, ни проезжал, обязательно ахал: «Ну и сад-виноград!»

А тракторист Ваня Звонарёв — тот даже пробовал притормаживать под черёмухой свой трактор. Он ловко тянулся из кабины, старался тяжёлые кисти ухватить, но ухватить не получалось. И Ваня махал с весёлою досадой: «Эх-х!» — и опять катил себе дальше.

Нацеливались на эту черёмуху и мои дружки, деревенские мальчишки. Да только и у них не выходило ничего. Когда-то кто-то нижние сучья на черёмухе начисто стесал, и теперь до первой более или менее удобной развилины не было никакой возможности ни докарабкаться, ни допрыгнуть.

А я вот путь на эту черёмуху всё-таки нашёл.

И нашёл не просто так, а с горя. А если объяснить всё точней, так из-за того, что случилось однажды между мною и моей тётушкой Астей, у которой я жил-гостил в то лето.



Тётушка моя работала в колхозе, была совсем ещё молодая и очень горячая характером. Как чуть что, так сразу и зашумит! Так зашумит, что хоть на улице от неё спасайся, а всё равно и там услышишь, как она обещает задать тебе хорошего дёру.

Но до настоящего дёру дело не доходило никогда, а к шуму я скоро привык. И, честно говоря, все тётушкины попытки приструнить меня не ставил ни в грош. Даже самые строжайшие запреты стал нарушать, и вот из-за одного такого нарушения всё и случилось.

Возвышались у нас на крыльце деревянные перила на гладких, круглых столбиках. Сразу за ними, обочь крыльца, зеленели грядки палисадника. Забегáть в палисадник полагалось, разумеется, через калитку, до которой и ходу-то было всего ничего, но я приспособился попадáть туда ещё быстрей, а главное, интересней.

Я проскакивал в палисадник с крыльца, прямо сквозь перила. Сначала просуну голову, потом весь, как ящерка, извернусь, на руках подтянусь — и, глядишь, я уже на тёплом краю мягкой грядки и зелёно-пушистые, пряно пахнущие зонтики укропа ласково щекочут моё лицо.

Мало-помалу вытоптал я в укропной чаще по-за крыльцом порядочную пролысину, наследил и на грядке с огурцами, и зоркая тётушка всё это увидела. Ну, а раз увидела, то и опять получился шум. А за шумом последовал наистрожайший наказ ходить в палисадник только там, где люди ходят, а не там, где лазает лишь блудень и озорник — соседский козлик Яшка.

— А ты разве Яшка? — возмущалась тётушка, и я, конечно, отвечал, что нет, хотя втайне думал, что и Яшкой побывать мне было бы тоже куда как любопытно.

В общем, опять я тётушкиным шумным словам не придал

никакого значения. И вот в один прекрасный вечер приходит тётушка с работы, начинает собирать ужин и говорит:

— Сбегай-ка, Лёнька, в палисадник за луком.

И я, конечно, помчался и, как только выбежал на крыльцо, так сразу и кинулся к своей привычной прямушке.

Голову сквозь перила просунул, боком извернулся, стал проталкиваться плечом вперёд, но вдруг чувствую, что просвет между столбиками сделался отчего-то тесен. «Не в ту дырку, что ли, второпях попал? — подумал я. — Тогда переменюсь».

И я попятился, стал вытаскивать голову, да тут обнаружил, что голова моя обратно не пролезает. Туда вот проскочила, а назад — нет. И стою я теперь, действительно, как козлик, на четвереньках, и ни туда мне, и ни сюда.

А тётушка из избы поторапливает:

— Ну где ты там, с луком-то? Скоро ли?

— Сейча-ас... — пыхчу я, тужусь, но вырваться не могу. Если голову боком поверну и потяну, — мешают подбородок и затылок, если прямо — то уши.

Тётушке ждать надоело, и, слышу, она ко мне на крыльцо поспешает сама.

И вот появляется на пороге, всплёскивает руками — и нет,

чтобы меня пожалеть да маленько помочь, — снимает фартук, складывает его повдоль и начинает меня этим фартуком пониже спины так и этак охаживать:

— Что я тебе говорила? Что я тебе говорила? В калитку ходи! В калитку ходи!

От шлёпанья фартуком было не больно, да зато стыдно и обидно, и я, не жалея ушей своих, рванулся изо всей силы. И круглые столбики повернулись, отпустили меня, и я скатился с крыльца. Скатился, закричал тётушке:

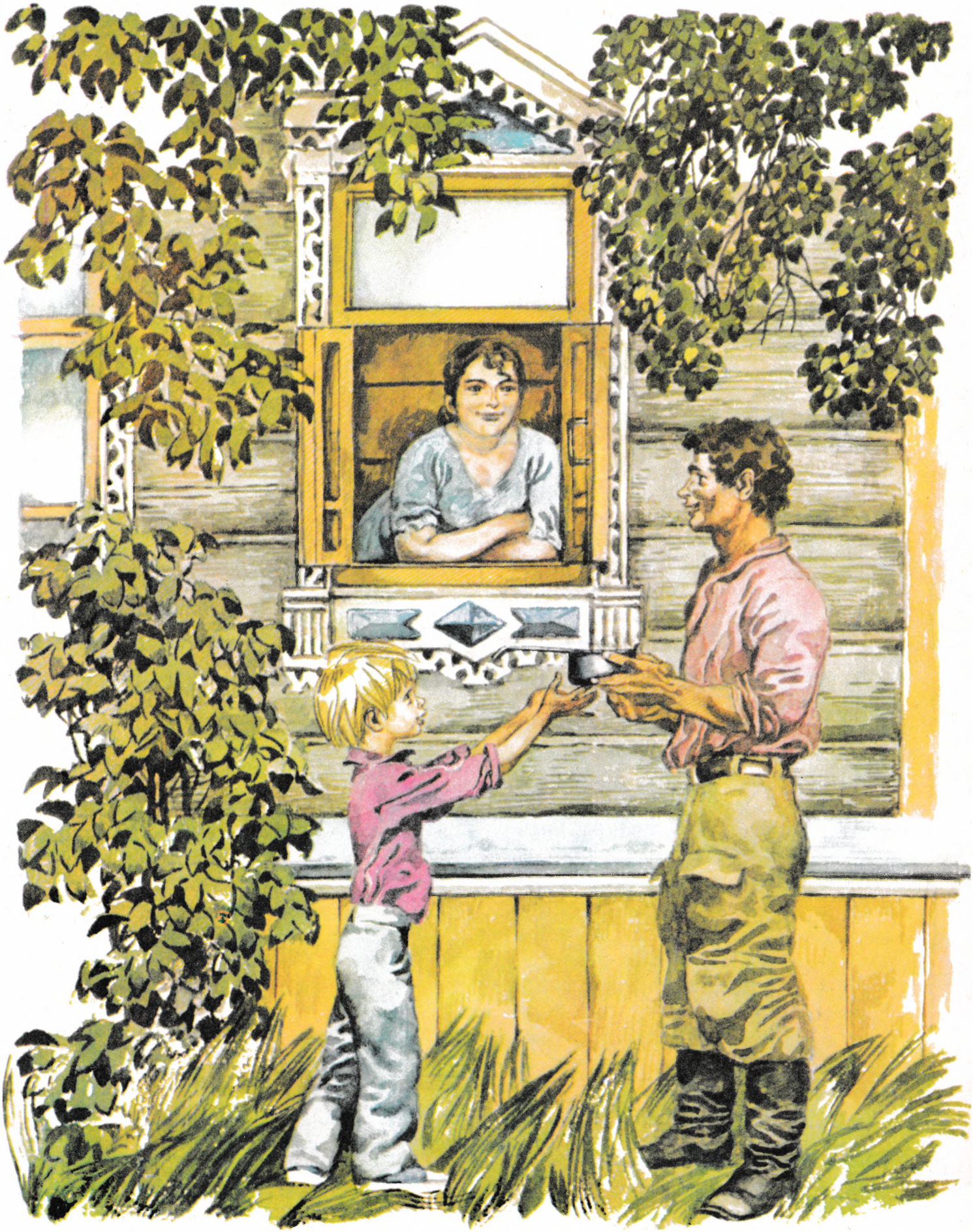
— Я ужинать с тобой не буду, я жить у тебя больше не буду, я от тебя убегу!

— Убегай... — ничуть не испугалась тётушка. — Набегаешься — вернёшься.

И она пошла к себе в избу, а я, разобиженный ещё больше, заметался по широкому подворью, по лужайке.

Я и в самом деле хотел убежать, да только куда в нашей деревеньке убежишь-то? Все наши детские потаённые местечки — и за колхозной конюшней, и за банями — известны каждому взрослому давным-давно.

И вот я кинулся к той неприступной черёмухе, что росла рядом с избой. Обхватил шершавый ствол руками, ногами, полез вверх — да почти тут же и сорвался. Но отчаянность моя не



утихла ничуть. И я пошёл на этот штурм и во второй, и в третий раз. Не считаясь с тем, что ситцевая рубашонка моя запотрескивала, что ладони и голые коленки, елозя по сухим заломам коры, обдираются в кровь, я всё равно карабкался, я не сдавался. И совершилось невероятное: толстую развилину на старой нашей черёмухе я оседлал!

А там чуть передохнул, глянул — не смотрит ли в окошко тётушка — и, шагнув по крепким и частым теперь ветвям ещё выше, скрылся в густой черёмухе, как в лесу.

Я устроился на сучке этаким петушком и стал ждать.

Стал ждать, потому что надеялся: вспыльчивая тётушка очень скоро меня спохватится. Ну, а как спохватится, так вот тут-то я и покуражусь. Выгляну из укрытия лишь тогда, когда тётушка окончательно всполошится, когда, быть может, даже закричит: «Лёня, золотко, где хоть ты? Иди домой! Это я просто так, маленько погорячилась...»

И вот, чтобы не выдать себя раньше времени, я на своём сучке и притих.

Я даже ягоды, которые тут так и нависали кругом, общипывать боялся. Я даже одолел себя, когда на меня вдруг напало желание чихнуть: раскрыл рот, сделал вдох-выдох и — перемогся. Ведь тётушка-то Астя была почти рядом: я отлично слышал, как за распахнутым окошком в избе она собирается ужинать. Вот она прошла на кухню, загремела печной заслонкой. Вот, шаркнув кочергой по кирпичному поду, вытянула томящийся в печи, в глиняной плошке, ячневый крупеник. И мне показалось, что я прямо так и слышу его тёплый, масляный дух. Слышу и смекаю: «Ага! Вот сейчас тётушка и спохватится меня. Одна она за стол, а тем более за такую вкуснотищу, ни за что не сядет!»

Но, к моему удивлению, тётушка уселась за стол — и одна.

«Ладно, — сглотнул я слюнки, — ладно... Значит, всё ещё горячится. Значит, всё ещё не остыла, но остынет обязательно. Ну, не может быть, что ей всё равно: жив я на белом свете или нет?»

И тётушка к окошку довольно скоро оборотилась, да только не из-за меня, а потому что на улице затарахтел трактор.

Ваня, как всегда, тормознул почти под самой черёмухой, запрокинул перепачканное в тракторной копоти лицо и, глядя на усыпанные ягодами ветки, сказал своё привычное:

— Эх-х!

Я весь так и поджался, чтобы Ваня меня раньше сроку не увидел, но вот в ту минуту и глянула на улицу моя тётушка.

Чумазый Ваня заулыбался во всю ширь, мигом поднял над головой кепку:

— Августе Андреевне привет! Не найдётся ли чем холодненьким промочить горлышко?

Этакое неопределённое «не найдётся ли?» Ваня говорил лишь из одной деликатности. На самом деле он отлично знал, что прохладненькое у нас найдётся всегда. Это он намекал на квас, которого перепробовал тут под тётушкиным окошком, наверное, уже не меньше чем полкадушки.

И вот как только он на квас намекнул, так я опять и подумал: «Теперь — всё! Теперь они про меня и вспомнят!» Бежать для Вани за квасом в холодный чулан и подавать ковш через окошко была моя, и только моя, всегдашняя обязанность. Делал я это с удовольствием, и Ваня принимал ковш из моих рук тоже с удовольствием, да ещё при этом, шутливо подмигивая тётушке, говорил в мой адрес:

— Молодец, мальчонка! Вырастет, возьму в помощники!

А потом кивал мне:

— Айда, вдоль деревни прокачу!

И действительно, с громом,

под звонкий галдёж ребятишек и лай собак катили мы до околицы...

Вот я и ждал теперь, что ни тётушка моя Астя, ни Ваня без меня не обойдутся; но тётушка на Ванину весёлую просьбу улыбнулась, сбегала в чулан и через минуту сама подала в окошко наполненный квасом ковш.

Ваня ковш принял не за ручку, а подхватил под круглое донышко, выпил тётушкино угощение одним духом, засмеялся:

— Квас из твоих рук, Андреевна, слаще мёда-сахара!

И, на ходу утираясь рукавом и всё ещё оглядываясь на тётушку, побежал к трактору, включил скорость, напустил дыму и — уехал.

А про меня Ваня так и не вспомнил. Не вспомнила и тётушка. И я крепко запереживал.

Солнце закатилось за крыши, черёмуху накрыла прохладная тень, а я сидел в этой тени, в остывающей листве, и думал: «Как же так? Ну, Ваню-тракториста ещё можно понять... Ваня, наверное, считает, что я сейчас бегаю где-нибудь с ребятами; а вот тётушка-то отчего ж не спохватится меня? Ведь ей же известно, что я сейчас не гуляю и не бегаю, а я — У-Б-Е-Ж-А-Л. Я, может быть, как в сказке, за тёмные леса, за синие горы теперь умчался; я, может быть, в дремучей чаще теперь один-

одинёшенек пропадаю, а она обо мне и не беспокоится... Не нужен я ей больше, что ль? А ведь вчера ещё говорила: «Ты у меня, Лёнюшка, как сынок! Я к тебе за летечко вот как привыкла; ты у меня оставайся жить на всю зиму, — в школу, не бойся, определимся и здесь». И вот, определились! Я сижу на своём сучке, тоскую, а она меня и не покричит...»

Мало-помалу я так себя разжалобил, что хоть плачь. А за черёмухой в деревне было полно живых звуков. Кричали, собирались на вечернюю игру в прятки мальчишки и девчонки. Постукивали молотками, топориками, ладили всякую домашнюю работу вернувшиеся с полей мужики. И мне моё высокое убежище и в самом деле начало казаться невылазной, дремучей чащобой, а сам я себе — горьким потеряшкой.

Лишь звяк подойника, которым тётушка обо что-то задела, вернул меня к более бодрым мыслям: «Корову доить пошла,

нашу Чернавку... И вот здесь-то без меня тётушке Асте не обойтись!»

А Чернавка у нас была очень ласковой и умной. Она сама — лишь бы ворота стояли открытыми — заходила после поля в хлев, сама кротким мыканьем напоминала, что её пора поить и доить.

И очень любила, чтобы мы приходили к ней вдвоём. Тётушка подсаживается под Чернавкин бок на скамеечку, а я жду и гляжу, как Чернавка, опустив свою морду в широкое ведро с пойлом, это пойло не торопясь выцеживает. А потом она всякий раз медленно и задумчиво взглядывает на меня, и я подношу ей на добавку круто посоленный кусок хлеба.

Но особенно Чернавка любит, когда я из короткой и мягкой шерсти между рогами извлекаю колючие травинки. От этого Чернавке, должно быть, немножко щекотно и очень приятно.

Она большую свою лобастую голову наклоняет всё ниже ко мне и шумно, горячо попыхивает в подол моей рубахи — благодарит...

Вот я и жду теперь: Чернавка забеспокоится без меня, а за ней наконец-то встревожится и тётушка Астя.

Жду, уши навострил, шею вытянул. И через малое время слышу: Чернавка шумно, со вздохами, с передышками тянет из ведра пойло, а тётушка подставляет скамейку и принимается Чернавку доить. Струйки молока зазвенели по цинковому подойнику сначала тонко, а потом всё глуше и глуше. Я даже представил себе, как молоко в подойнике стало прибывать, а затем над ним зашипела и начала подниматься белой шапкой тёплая пена.

И вот струйки по подойнику всё дзиркают и дзиркают, Чернавка побрякивает ведром, вылизывает остатки пойла, а я жду не дождусь, когда она подымет голову.

И Чернавка брякать перестала, как видно, огляделась, да тут же меня, умница, и вспомнила!

— Мы-ы... — подала она голос и, не обнаружив меня рядом, замычала опять. Замычала во всю силушку, и в голосе её так мне и послышалось: «Му-у! Ничего не пойму-у! Куда это мой кормилец Лёнька подевался?»

И всего этого я больше не выдержал, я так у себя на черёмухе ревмя и заревел.

А Чернавка услышала, замычала пуще, и тётушка из-под неё с подойником выскочила и не знает, что делать. С одной стороны, корова на весь хлев ревёт, надрывается, а с другой — я заливаюсь на всю улицу.

Тётушка сунула подойник с молоком на крыльцо, кинулась к черёмухе, сама кричит:

— Лёнька, а Лёнька! Ты что орёшь-то? Что это с тобой, дурачок?

— Да-а... — глотаю я слёзы, чуть слова выговариваю. — Да-а... А почему ты меня не ищешь и не ищешь? Почему обо мне совсем не расстраиваешься? Чернавка — и та вон расстраивается, а ты — не-ет...

— Да зачем мне тебя искать, когда ты здесь, рядом с избой! — удивляется тётушка Астя, а я ещё пуще заливаюсь:

— Это сейчас рядом, а раньше ты не знала, где я... Может, в лесу-у? Может, меня волки съели?..

— Ну уж — волки... Да я тебя, дурашка, всё время вижу. Я тебя сразу заметила, как ты на черёмуху полез.

— Как так? — изумился я и даже реветь перестал.

— А так... Что у меня глаз, что ли, нет? Ты полез, а я из-за косяка посматриваю... Ты лезешь, а я думаю: «Рассердился парень! Пускай поостынет, а потом и сам спустится...»

— Ты тоже рассердилась. Ты больше меня рассердилась. А я-то уж давным-давно остыл! — всхлипываю я опять, а тётушка добрым голосом говорит:

— Ну, если остыл, тогда слезай...

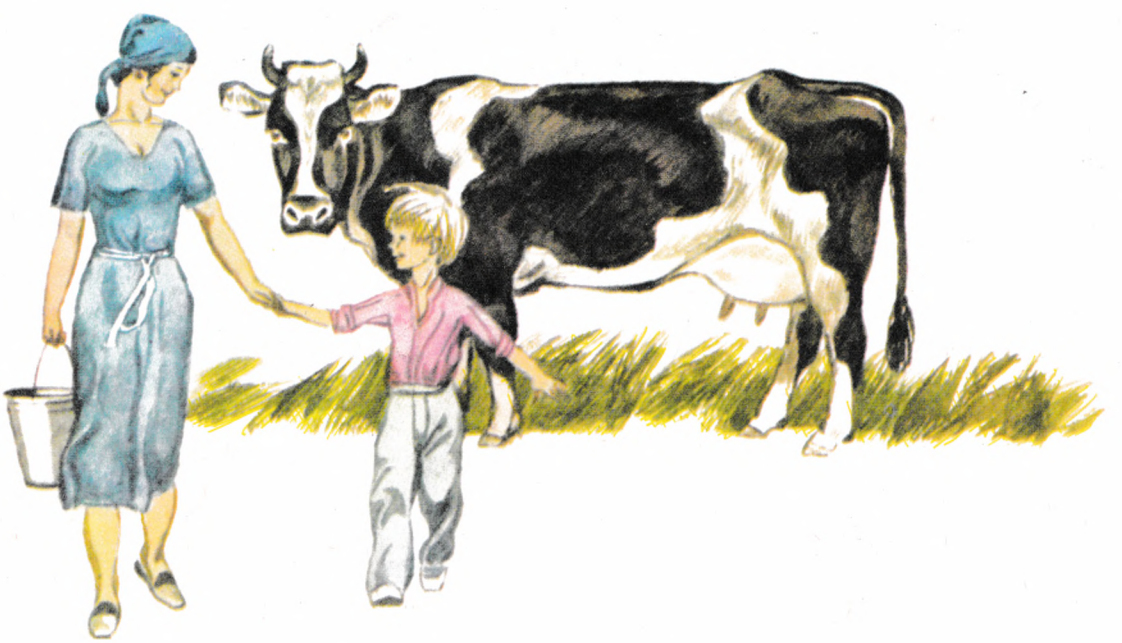
И тётушка подставила мне руки, помогла спуститься, и уже на земле, на траве, я спохватился:

— Ой! А ягод ни одной и не сорвал.

— Ничего! — засмеялась тётушка. — Зато путь проторил, завтра сорвёшь. Главное, что ты у меня из бегов вернулся, Чернавку мне поможешь додоить.

И тут она давай утирать фартуком мои зарёванные щёки и давай приговаривать:

— Эх, Лёнька ты Лёнька... Эх ты, беглец! Я к тебе и в самом деле вот как привыкла. Ты у меня и в самом деле до осени оставайся, а хочешь — круглый год живи. Но в лазейку больше не ныряй, — как бы тебе там крепче не застрять. Ведь ты, чудак, растёшь, прибываешь, а она — нет! Она всегда — маленькая.



20 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Лев Иванович Кузьмин

БЕГЛЕЦ

рассказ

Художник В. Юдин

ИБ № 1198

Редактор **И. Пестова.** Художественный редактор **Д. Пчёлкина.** Технический редактор **О. Кистерская.** Корректор **Н. Пьянкова.** Сдано в набор 03.11.81. Подписано к печати 06.04.82. 60×90/8. Офс. № 1. Гарнитура журнальная. Печать офсет. Усл. печ. л. 2,5. Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 2,09. Тираж 200 000 экз. Изд. № 6322. Заказ № 3565. Цена 20 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, ул. Мира, 3.

$К\frac{4803010102-060}{М102(03)-82}$ 61-82

© Издательство «Малыш» 1982